

Православное обозрение

1889. Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П68

П68 Православное обозрение: 1889. Том 2 / – М.: Книга по Требованию, 2021. –
779 с.

ISBN 978-5-458-03073-1

ISBN 978-5-458-03073-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

автономистовъ. Покойный Кавелинъ издалъ даже особую брошюру и посвятилъ ее молодому поколѣнію, какъ предсмертный завѣтъ свой. Кавелинъ не только указывалъ нужду отдѣлить мораль отъ религіи, но и предложилъ проектъ безрелигіозной морали. Въ послѣднее время выступилъ горячимъ поборникомъ безрелигіозной нравственности Л. Толстой. Въ наиболѣе распространенныхъ такъ-называемыхъ свѣтскихъ нашихъ журналахъ, каковы: *Русская Мысль*, *Вѣстникъ Европы*, *Сѣверный Вѣстникъ*, *Русское Богатство* и др., равно какъ въ якобы либеральныхъ газетахъ нашихъ легко встрѣтить отраженія и повторенія мыслей, свойственныхъ западно-европейскимъ противникамъ органической связи между нравственностью и религіозностью, коь скоро въ этихъ періодическихъ изданіяхъ затрогивается вопросъ о нравственности съ научно-философской точки зрѣнія. Само собою разумется, существующія у насъ пензурныя условія печатнаго слова не позволяютъ представителямъ его высказываться противъ союза между нравственностью и религіозностью съ той цинической откровенностью и рѣшительностью, съ какою говорятъ объ этомъ предметѣ ихъ западно-европейскіе вдохновители и учителя. Нашимъ отечественнымъ автономистамъ не рѣдко приходится ограничиваться только одними намеками и таинственными замѣчаніями, тѣмъ не менѣе жадно ловимыми и усвояемыми „передовымъ“ читателемъ, плохо учившимся и мало размышляющимъ самостоятельно.

Въ виду нравственныхъ потребностей общества и его религіозныхъ нуждъ, столь зависящихъ и по нашему глубокому убѣжденію неотдѣлимыхъ другъ отъ друга, нужно самое обстоятельное разсмотрѣніе всего того, что говорилось и говорится за полное отдѣленіе нравственности отъ религіозности. Ограничиваться показаніемъ несостоятельности только главныхъ и болѣе общихъ соображеній и доводовъ противъ органической связи нравственности съ религіозностью не значитъ еще лишить противника всякаго оружія, какимъ онъ располагаетъ. Настоящій нашъ трудъ и задается задачею посылно разсмотрѣть и опровергнуть не только болѣе главные и общіе, но и частнѣйшіе доводы и соображенія, какіе приводились и приводятся автономистами въ защиту ихъ взгляда.

Главные и общіе доводы и соображенія, направленные противъ мысли о неразрывной связи между религіозностью и нравственностью, прекрасно резюмируетъ парижскій профессоръ-богословъ Диктенбергъ, въ трактатѣ о независимой морали, помѣщенномъ въ одной изъ французскихъ богословскихъ энциклопедій¹⁾. Сперва мы и передадимъ въ сжатомъ видѣ эти болѣе общіе доводы и соображенія, безъ малѣйшаго ослабленія ихъ силы и смысла. Частнѣйшіе же аргументы и мысли, направленные противъ связи нравственности съ религіозностью, будутъ излагаемы уже при самомъ анализѣ ученія автономистовъ.

Вторженіе религіи въ область нравственную, по словамъ автономистовъ, совсѣмъ обездѣиваетъ человѣка, какъ нравственнаго дѣятеля, и ставитъ его въ совершенно ненормальное положеніе. Коль скоро надъ человѣкомъ стоитъ Существо, безусловно высшее, чѣмъ онъ, и прямо влияетъ на человѣка съ свойственною этому Существу силою, то человѣческая личность превращается въ какую-то маріонетку, въ куклу своего рода, за которою или въ которой дѣйствуетъ чуждая воля и рука; свобода человѣка въ каждое мгновеніе вступаетъ при этомъ въ неизбежное столкновеніе съ всемогущимъ вторженіемъ Божества въ человѣческія дѣйствія. Достоинство человѣческой личности неминуемо падаетъ, повергается въ прахъ: вѣдь силы свои онъ почерпаетъ въ иномъ существѣ, а не въ себѣ самомъ. Отвѣтственность человѣка за свои дѣйствія испытываетъ также полное круженіе: что добраго онъ сдѣлаетъ, должно быть относимо къ Богу, а что дурнаго онъ совершить, то должно быть приписано діаволу и его клеветамъ. Между тѣмъ именно въ нравственной-то области должны находиться вѣдъ такихъ стѣснительныхъ и ненормальныхъ условій и личность человѣка, и ея достоинство, и отвѣтственность его за каждое свое дѣйствіе. Далѣе, тогда какъ нравственный законъ и его требованія ясны и очевидны для всякаго, предметъ религіи, Богъ, является совсѣмъ инымъ. Онъ для насъ невѣдомъ. Какъ только мы хотимъ познать и понять Его, Онъ тонетъ для насъ въ пучинѣ абстракцій—неуловимыхъ и туманныхъ образовъ. Будучи не-

¹⁾ Самая же критика взгляда автономистовъ у него весьма слаба большою частью...

известнымъ, предметъ религіи, Богъ, неизбѣжно мыслится и представляется, какъ кому кажется лучше, т.-е. совершенно произвольно. Но что можетъ быть хуже для морали, чѣмъ таковой произволь? Значить, воля скоро добро ставится въ зависимость отъ воли Божіей, то нравственное сознание совершенно утрачиваетъ нужныя ему твердыя основы и обречается на всяческое колебаніе. Но такъ какъ всякая народная религія предполагаетъ существованіе жрецовъ и священнослужителей, какъ поставителей воли Божіей, то на мѣсто нравственнаго закона и поставляется произволь жрецовъ или церковныхъ іерарховъ. Выбѣтъ съ этимъ истинныя обязанности человѣка замѣняются искусственными и вся человѣческая жизнь извращается. Затѣмъ, тогда какъ нравственный законъ побуждаетъ насъ къ дѣятельной жизни для собственного блага и для блага другихъ, религія толкаетъ человѣка въ область созерцанія, заставляя непроизводительно тратить наши силы и время. Напрасно увѣряютъ, будто бы религіозныя идеи имѣютъ благотворное вліяніе на нравственную жизнь человѣка и будто для ней совершенно необходима особая, неземная опора. Дѣйствительность вовсе не оправдываетъ этихъ тенденціозныхъ увѣреній: есть и атеисты, ведущіе безупречную жизнь въ нравственномъ отношеніи, равно какъ много и вѣрующихъ, но поражающихъ насъ своею моральною распущенностью. Не нужно опускать изъ виду, что самъ нравственный законъ несомнѣнно больше обязываетъ насъ къ добрымъ дѣйствіямъ, чѣмъ чтобы то ни было другое. Привлекая же совершенно посторонніе элементы, какъ напр. вѣру въ Бога и загробную жизнь, къ авторитетному голосу нравственнаго закона, мы чрезъ это лишь ужимаемъ и ослабляемъ послѣдній. Онъ и самъ по себѣ достаточно сильно повелѣваетъ. Кто повинуется ему, того онъ награждаетъ, давая ему испытывать невыразимое удовольствіе, отрадный душевный миръ. Напротивъ, кто пренебрегаетъ его требованіями, того онъ казнитъ внутренними душевными муками. Положимъ, бываетъ, что у нѣкоторыхъ лицъ совѣсть помрачается и какъ бы извращается. Но что же наилучше въ состояніи просвѣтить ее и направить на надлежащій путь, чѣмъ распространеніе въ обществѣ здравыхъ идей и воззрѣній? Что касается религіи, то она можетъ внушать только чисто внѣшнія побужденія къ добродѣ-

тельной жизни, въ тому же далеко не отличающіяся желательной чистотою. Надежда на блаженство въ загробной жизни и страхъ адскихъ мученій—вотъ корыстные мотивы, которые любить выдвигать религія. Съ религіозной точки зрѣнія и вообще добродѣтель является желанною не потому, что она сама по себѣ хороша, а потому, что ея требуетъ отъ насъ Богъ. Мало того: связь нравственности съ религіозностью влечетъ за собою то, что въ человѣкѣ цѣнится не столько добродѣтель, сколько вѣра, что невѣрующій является въ глазахъ вѣрующаго непременно врагомъ Бога и его самого, и потому къ невѣрующему тутъ скорѣе уместны вражда и презрѣніе, чѣмъ любовь. Наконецъ, не слѣдуетъ опускать изъ виду и то очень важное обстоятельство, что религія все болѣе и болѣе повидается прежними ея исповѣдниками и приверженцами. Оставляя нравственность въ прежней зависимости отъ религіи, не обрекаемъ-ли мы чрезъ то самую нравственную жизнь общества на полное извращеніе и окончательную гибель? Пора же разорвать искусственный и вредный союзъ нравственности съ религіозностью и предоставить первой держаться на собственныхъ ея основахъ, направляться исключительно ей свойственными мотивами и достигать своей цѣли собственными средствами, а не побочными, совершенно для ней ненужными!

Таковы въ общихъ чертахъ главные доводы и соображенія, приводимые автономистами въ пользу необходимости окончательнаго разрыва между нравственностью и религіозностью. Эти доводы и соображенія, какъ и частнѣйшіе, съ которыми встрѣтимся ниже, мы раздѣлимъ для удобства ихъ критическаго анализа на четыре группы, изъ коихъ каждую и рассмотримъ въ отдѣльности. Къ первой отнесемъ все то, что обыкновенно говорится для доказательства, будто бы связь нравственности съ религіозностью наноситъ ущербъ человѣческому достоинству, свободѣ человѣка, его моральной отвѣтственности, добродѣтели и т. под. Во второй группѣ соединимъ то, чѣмъ автономисты думаютъ доказать, будто бы нравственность не нуждается въ религіозныхъ основахъ и имѣетъ свои собственные, якобы наиболѣе вѣрныя и надежныя. Въ третью группу войдетъ то, что касается собственно мотивовъ нравственной жизни. Наконецъ, четвертая группа имѣетъ обнять собою то, что касается средствъ,

такими располагаетъ самъ по себѣ человекъ для выполненія моральныхъ требованій. Но разсмотрѣнью дѣла со всѣхъ этихъ сторонъ мы должны предпослать слѣдующее общее замѣчаніе касательно такъ-называемой автономической нравственности.

Защитники автономической морали, необходимо ограничивающіе всѣ обязанности человека его отношеніями къ себѣ подобнымъ, обнаруживаютъ самое неправильное понятіе о томъ, что такое истинная ²⁾ нравственность. Идеальная нравственность, какъ существенное и главное свое свойство, непременно предполагаетъ возможно полное осуществленіе правила: *воздавай тому должное*. Какъ скоро нарушается это элементарное требованіе нравственности въ отношеніи къ кому бы и къ чему бы то ни было, то нравственность, конечно, уже не можетъ считаться соответствующею своей природѣ. Мало того: если человекъ забываетъ свои отношенія къ чему-либо высшему, чѣмъ люди и природа, ихъ окружающая, въ такомъ случаѣ не только теряютъ свою нравственную цѣнность даже повидимому самыя правильныя отношенія къ другимъ предметамъ, будутъ-ли это подобныя намъ существа, та или другая сторона нашей природы, или окружающій насъ вѣдншій міръ, но и совершенно извращаются. При отрѣшеніи нравственности отъ религіозности это извращеніе нашихъ отношеній во всему* и становится совершенно неизбежнымъ, неотвратимымъ ничѣмъ. Забывая и цѣпящая должныя свои отношенія къ всеовершенному Существу, нашему Творцу, Промыслителю и Мзодовзаятелю, человекъ не въ состояніи поставить себя въ должныя отношенія къ другимъ существамъ и предметамъ: нѣкоторые изъ нихъ онъ невольно располагается цѣнить и чтить несоизмѣримо выше, чѣмъ они того стоить, или наоборотъ—располагается цѣнить слишкомъ низко. Вообще автономическая нравственность, вопреки самому понятію о нравственности, неизбежно узаконяетъ неправильныя отношенія къ разнымъ существамъ и предметамъ. Но, что особенно важно, не желая знать Бога и должныхъ отношеній къ Нему, нравственность у автономистовъ прямо превращается въ способъ и средство наносить величайшее оскорбленіе даже Су-

²⁾ *Ложная же нравственность въ сущности не есть нравственность. Вотъ почему можно даже утверждать, что безъ религіозности нравственность невозможна.*

пеществу высочайшему. Очевидно, такая нравственность не только не истинная нравственность, но просто возмутительная безнравственность, сознательно возводимая въ правило жизни, въ какой то идеаль. Чѣмъ можетъ быть чудовищѣе этого? Основаніемъ и оправданіемъ для такой морали отнюдь не могутъ служить ссылки на то, что есть атеисты, на достаточныхъ будто бы основаніяхъ не признающихъ бытія Бога, что предметъ религіи, Богъ, представляетъ вообще что-то непонятное и проблематичное и что существуетъ много религій, а потому-де и нельзя упрекать автономическую мораль за забвеніе о такомъ предметѣ, о которомъ каждый думаетъ, какъ ему угодно.

Еслибы, вопреки убѣжденію всего здраваго человѣчества, было дѣйствительно къ-либо доказано небытіе Бога, тогда автономисты имѣли бы право брать во вниманіе атеистовъ. Между тѣмъ небытіе Бога не только никогда *не было* сколько-нибудь основательно доказываемо, но *никогда* и *никѣмъ* не можетъ быть доказано. Чтобы на достаточныхъ основаніяхъ отвергнуть бытіе Бога, для этого нужно человѣку пріобрѣсти *всевѣдѣніе*, т.-е. нужно обнять своимъ мысленнымъ взоромъ *все* существующее во вселенной, всѣ самыя сокровенныя формы и стороны бытія, и *путемъ опыта* убѣдиться въ томъ, что Бога *нигде* нѣтъ, что «Онъ дѣйствительно *ничѣмъ* и *ни въ чѣмъ* не заявляетъ Своего бытія. Не дико ли даже и мечтать о возможности для человѣка такого познанія? А если этого сдѣлать совершенно невозможно, то странно и говорить съ научно-философской точки зрѣнія о небытіи Бога. Мало того, говорить о небытіи Бога именно и значить отречься отъ научно-философской точки зрѣнія и слѣдовать внушеніямъ не разума, а страсти. Задача науки и философіи и состоитъ въ томъ, чтобы пѣяснить все конечное сущее изъ разумнаго начала. Эта-же задача не есть ничто неосуществимое. Представителю науки и философіи для рациональнаго обоснованія вѣры всего человѣчества въ бытіе Бога вовсе не нужно обладать всевѣдѣніемъ, каковое требуется для основательнаго отверженія бытія Божія. Человѣку науки и философіи довольно для этого и тѣхъ данныхъ, какія открываются въ природѣ человѣческой и въ предметахъ и явленіяхъ природы. Пояснимъ свою мысль при-мѣромъ. Положимъ, нѣсколькимъ человѣкамъ пришлось, проходя

громаднымъ дремучимъ лѣсомъ, сбѣться съ дороги и попасть въ такое отдаленное и глухое мѣсто его, гдѣ повидному никогда не ступала человѣческая нога. Представимъ, что здѣсь путники находятъ что-либо такое, что могъ сдѣлать только человѣкъ, обладающій разумомъ, способный къ разнаго рода ремесламъ и т. д. Находка подобной вещи служила бы для каждаго путника *достаточнымъ* основаніемъ для заключенія, что вещь—дѣло рукъ человѣческихъ, что кто-нибудь изъ людей или въ этомъ мѣстѣ *жилъ*, или проходилъ и оставилъ ее случайно или нарочито. Но совсѣмъ иное потребовалось бы отъ того изъ путниковъ, который сталъ бы отрицать, что говорить другіе. Чтобы *доказать* свою правоту, а не утверждать ея въ силу только каприза мысли, голословно, онъ долженъ показать и вполне доказать своимъ спутникамъ, что найденная вещь могла образоваться такъ-то и безъ участія человѣка, или что въ данномъ мѣстѣ *никогда* не жилъ и не проходилъ *никто* изъ людей. Очевидно, отрицающій самъ возлагаетъ на себя такое бремя, какого и часть понести онъ не въ состояніи. И такъ тогда какъ въра всего человечества и съ научно-философской точки зрѣнія скорѣе всего находятъ для себя возможное обоснованіе и оправданіе, отрицаніе бытія Божія на сколько-нибудь *достаточныхъ* основаніяхъ представляется вполне немислимымъ, рѣшительно невозможнымъ. А если такъ, то автономисты, вычеркивающіе изъ человѣческихъ нравственныхъ отношеній отношеніе къ Существу высочайшему, дѣлаютъ это безъ *малѣйшихъ* разумныхъ основаній. Въмѣсто того, чтобы указывать отрицателямъ бытія Божія ихъ безуміе, они сами работаютъ предъ этимъ безуміемъ и попираютъ самыя элементарныя требованія нравственности.

Что касается затѣмъ непонятности ³⁾ предмета религіи, Бога, на которую указываютъ автономисты, то и эта непонятность нисколько не можетъ служить основаніемъ для устраненія *должныхъ* отношеній человѣка къ Богу. Не только общечеловѣческое религиозное, но и научно-философское сознаніе не свидѣтельствуетъ о томъ, будто бы предметъ религіи, Богъ, вполне не понятенъ, нисколько не подлежитъ нашему познанію. Не говоря

³⁾ О личной проблематичности объекта религіи, Бога, говорено, когда шла рѣчь объ атеистахъ.

уже объ общечеловѣческомъ религіозномъ сознаніи, и научно-философское сознаніе, какъ бы различно оно ни выражалось въ разныхъ, созданныхъ имъ теоріяхъ и системахъ ⁴⁾, все-таки въ общемъ признаетъ своего рода доступность Божества нашему познанію и пониманію и отсюда единогласно усвоетъ Ему большую часть тѣхъ свойствъ, или всѣ, какія Божеству приписываетъ и общечеловѣческое религіозное сознаніе. Съ другой стороны, для насъ въ самомъ человѣкѣ и въ окружающей насъ природѣ развѣ мало непонятнаго, таинственнаго? Не-совершенная понятность видимаго предмета однако никакимъ образомъ не исключаетъ и не должно исключать нашихъ должныхъ отношеній къ нему. То же самое слѣдуетъ сказать и касательно объекта религіи—Бога. Существо высочайшее, по самой абсолютности Своей природы и Своихъ свойствъ, должно заключать въ Себѣ для насъ болѣе непостижимаго, чѣмъ что-либо другое въ мірѣ, но эта извѣстнаго рода непостижимость Бога ни малѣйшимъ образомъ не устраняетъ надлежащихъ отношеній къ Нему.

Наконецъ, существующее разнообразіе религій говоритъ во-все не о томъ, будто бы слѣдуетъ совсѣмъ оторвать нравственность отъ религіи, а только и единственно о желательности того, дабы всѣ люди исповѣдывали одну и ту же истинную религію. О водвореніи между людьми религіознаго единства слѣдуетъ, значить, заботиться и всякому моралисту доступными ему средствами, а не о разрывѣ между религіею и нравственностью; съ другой стороны, если разнообразіе религій служитъ препятствіемъ къ тому, чтобы всѣ люди признавали одни и тѣ же моральные принципы и сообразно съ ними дѣйствовали, то это разнообразіе нравственныхъ руководящихъ началъ и различіе нравственныхъ направленій въ жизни людей не исчезнутъ вмѣстѣ съ отрѣшеніемъ нравственности отъ религіи. Пока одни люди будутъ смотрѣть на все сущее глазами матеріалистовъ, другіе — глазами пантеистовъ, третьи — глазами позитивистовъ и т. д., до тѣхъ поръ и нравственная рознь не устранится ничѣмъ. Не ясно ли, что автономисты хлопочуть о чемъ-то рѣшительно неосуществимомъ? Упадокъ среди людей религіи,

⁴⁾ Матеріализмъ исключаемъ, какъ прямо атеистическое ученіе.

на который указывают автономисты, точно также требуется не окончательного разрыва между нравственностью и религией, а того, чтобы каждый, в комъ не потухло религиозное чувство, всеми доступными ему средствами старался приводить къ религіи тѣхъ, кто отшатнулся отъ нея. Зло не пресѣяется, коль скоро мы нарочито ставимъ его въ самыя благопріятныя условія для его дальнѣйшаго развитія, какъ это дѣлаютъ автономисты, вычеркивающіе изъ моральныхъ нашихъ отношеній отношеніе къ Богу. Задача всякой здоровой теоріи нравственности, между прочимъ, и должна состоять въ раскрытіи существеннаго значенія для нравственности религіознаго начала.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ возможно обстоятельному анализу соображеній и аргументовъ, приводимыхъ автономистами въ пользу рѣшительнаго и окончательнаго отдѣленія нравственности отъ религіозности.

а) Непонятно, какой вредъ наносится нашему достоинству, нашей свободной волѣ, нашей нравственной отвѣтственности, нашей добродѣтели и т. д., вѣрою во вліяніе на насъ съ одной стороны—Бога, а съ другой—злыхъ духовъ? Прежде покажемъ, что ни наше достоинство, ни наша свобода, ни наша отвѣтственность на самомъ дѣлѣ нисколько не должны страдать при такой вѣрѣ.

Извѣстно, что всякій человѣкъ въ теченіе своей жизни испытываетъ на себѣ тысячи самыхъ разнородныхъ вліяній, изъ коихъ многихъ мы даже вовсе не сознаемъ. Несомнѣнно, вліянія эти, съ разныхъ сторонъ идущія, оставляютъ въ насъ тотъ или другой слѣдъ болѣе или менѣе сильный. Какъ и откуда въ насъ возникли тѣ или другія особенности мысли, чувства, воли, въ большинствѣ случаевъ мы не можемъ знать. Само-собою разумѣется, многое изъ нихъ является до извѣстной степени и плодомъ вѣдшихъ вліяній, дѣйствовавшихъ на насъ въ разные періоды нашей жизни, начиная съ самаго перваго и ранняго. Почему же защитники автономической нравственности не говорятъ, что все это попираетъ наше достоинство, нашу свободу, нашу нравственную отвѣтственность? Но религія утверждаетъ фактъ воздѣйствія на насъ Бога и злыхъ духовъ, и вотъ автономисты поднимаютъ вопль противъ мнимаго посягательства на нашу свободу, на нашу нравственность. Имъ не приходится „въ

голову“, что нѣтъ никакой возможности устранить это воздѣйствіе духовнаго міра на человѣка, коль скоро этотъ міръ существуетъ, а отвергать его на достаточныхъ основаніяхъ могъ бы человѣкъ, лишь обладая всевѣдѣніемъ. Защитники автономической морали не соображаютъ и того, что если тысячи разнородныхъ вліяній, дѣйствующихъ на насъ съ той поры, когда не могло быть и рѣчи о пробужденіи нашего сознанія, не исключаютъ нашего достоинства, нашей свободы, нашей отвѣтственности, то не должны исключать всего этого и тѣ вліянія, о какихъ говорить религія.

Достоинство человѣка состоитъ не въ томъ, что онъ въ фантазіи своей освобождается отъ неотвратимыхъ вліяній, какъ это дѣлаютъ автономисты, а въ томъ, чтобы по возможности сознать, что и какъ на него дѣйствовало и дѣйствуетъ, и самодѣтельно относиться къ вліяющимъ на него силамъ и предметамъ, употребляя ихъ дѣйствія во благо себѣ. Чѣмъ наилучше пользуется человѣкъ ко благу своему всѣмъ, что на него вліяло и вліяетъ, тѣмъ болѣе возвышается и его нравственное достоинство. А что не стѣсняется и не подавляется и свобода человѣка этими вліяніями, это-то и свидѣлствуется дѣйствіемъ на человѣка, между прочимъ, двухъ особыхъ силъ: доброй, Божеской силы—съ одной стороны, а съ другой—злой, дьявольской силы. Тутъ свободной воли человѣка предоставляется возможность самодѣтельно склоняться на сторону то одной, то другой силы, смотря по собственному его влеченію и желанію. Мало того, должно сказать, что чѣмъ больше поводовъ существуетъ къ проявленію нашего самоопредѣленія, тѣмъ свобода наша ставится въ наилучшія условія для своего развитія. Значить, дѣйствія Бога на насъ и дѣйствія злыхъ духовъ должны разсматриваться, между прочимъ, именно какъ поводы къ упражненію и развитію нашего самоопредѣленія, нашей свободы. Мысль же автономистовъ, будто бы дѣйствіе Бога, какъ Существа всемогущаго, совсѣмъ парализуетъ свободу человѣка, представляется ложною уже потому, что, въ противномъ случаѣ, именно съ религіозной точки зрѣнія не было бы мѣста дѣйствію на человѣка злыхъ силъ, и самыя эти силы, какъ и грѣхъ человѣка, не могли бы существовать... Равнымъ образомъ, уже тотъ фактъ, что на человѣка дѣйствуютъ двѣ силы, въ нравственномъ отношеніи